

EDN: KGWTFM
УДК 342.723, 341.231.14

Constitutionalism and Participation in an Algorithmic Society (Russian, Comparative and International Context)

Igor A. Kravets*

*Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation*

Received 10.10.2023, received in revised form 26.11.2023, accepted 29.04.2024

Abstract. The article discusses the theoretical and constitutional foundations of an algorithmic society, digital and informational constitutionalism in the context of international scientific discussion, the risks of the algorithmic society development and the ways to respond to them, scientific and interpretative approaches to understanding digital citizenship, the role of citizenship in the development of an algorithmic society, prospects for the interaction of digital citizenship and the system of constitutional and information law. The institutions of digital citizenship and digital constitutionalism are revealed from the standpoint of the involvement institution and participation in public legal communication. The article used deliberative and epistemological approaches, methods of formal legal, concrete historical, comparative constitutional-legal and complex analysis. As conclusions, several measures are proposed aimed at improving the legal regulation of the information society development strategy in Russia.

Keywords: algorithmic society, digital constitutionalism, digital citizenship, information literacy, constitutional communication, deliberative democracy, citizenship, engagement.

The reported study was funded by Russian Science Foundation according to the research project No 23–28–00627, <https://rscf.ru/en/project/23–28–00627/> (“Communicative constitutionalism and constitutional mobilization: the problem of deliberative participation in the public and information space and the transformation of the public power system (concepts, norms and institutional mechanisms)”).

Research area: social structure, social institutions and processes; law.

Citation: Kravets I. A. Constitutionalism and participation in an algorithmic society (Russian, comparative and international context). *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2024, 17(6), 1036–1046. EDN: KGWTFM

Конституционализм и участие в алгоритмическом обществе (российский, сравнительный и международный контекст)

И.А. Кравец

*Новосибирский национальный исследовательский государственный университет
Российская Федерация, Новосибирск*

Аннотация. В статье обсуждаются теоретические и конституционные основы алгоритмического общества, цифрового и информационного конституционализма в контексте международной научной дискуссии, риски развития алгоритмического общества и способы реагирования на них, научные и интерпретационные подходы к пониманию цифрового гражданства, роль гражданства в развитии алгоритмического общества, перспективы взаимодействия цифрового гражданства и системы конституционного и информационного права. Институты цифрового гражданства и цифрового конституционализма раскрываются с позиций института вовлечения и участия в публично-правовой коммуникации. В статье используются делиберативный и эпистемологический подходы, методы формально-юридического, конкретно-исторического, сравнительного конституционно-правового и комплексного анализа. В качестве выводов предлагается ряд мер, направленных на совершенствование правового регулирования стратегии развития информационного общества в России.

Ключевые слова: алгоритмическое общество, цифровой конституционализм, цифровое гражданство, информационная грамотность, конституционная коммуникация, делиберативная демократия, гражданство, вовлечение.

Научная специальность: 5.4.4 – социальная структура, социальные институты и процессы; 5.1.2 – публично-правовые (государственно-правовые) науки.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23–28–00627, <https://rscf.ru/project/23-28-00627/> («Коммуникативный конституционализм и конституционная мобилизация: проблема делиберативного участия в публичном и информационном пространстве и трансформация системы публичной власти (концепты, нормы и институциональные механизмы)»).

Цитирование: Кравец И. А. Конституционализм и участие в алгоритмическом обществе (российский, сравнительный и международный контекст). *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2024, 17(6), 1036–1046. EDN: KGWTFM

Введение: конституционализм, алгоритмическая власть и информационное общество

Современный этап развития информационного общества, в котором человек как субъект права становится не только потребителем, но и создателем, и распространителем

информации (Webster, 2014: 3), достиг стадии широкого внедрения алгоритмов в различные сферы государственной и общественной жизнедеятельности, появилось алгоритмическое общество (Schuilenburg, Peeters, 2021: 1–2).

В алгоритмическом обществе идет технологическая революция, правовые и ин-

ституциональные границы которой определяются не только информационными и цифровыми технологиями, достигнутым уровнем их развития и внедрения, но и процессами *коэволюционного развития* публичного права, технологий и биополитики в различных сферах реализации прав, свобод, обязанностей, законных интересов. Российская юридическая наука, находясь в поиске оптимальных подходов к регулированию общественных отношений в сфере информационных технологий, выходит на новый уровень их осмысления: *конституционализм и гражданство трансформируются в новые публично-правовые институты с цифровым измерением*. Появляются интеграционные феномены: *цифровой конституционализм* (Kravets, 2022: 19), *цифровые конституционные права*, где технологии и конституционно-правовые институты взаимодействуют в *новом интегрированном информационном пространстве*. Технологии (цифровые и информационные) «представляют собой не только сумму материальной и нематериальной архитектуры», они в такой же степени «обеспечивают инфраструктуру для осуществления свобод и полномочий» (De Gregorio, Radu, 2022: 68); технологический ресурс создает новый вид власти – *алгоритмическую власть*. Такая власть преобразует процесс принятия публично значимых решений в бюрократической (исполнительно-распорядительной), законодательной и правовой сферах; появляется *алгоритмическое принятие публично значимых решений* (Danaher, 2016).

В данном исследовании предложены *два взаимосвязанных концепта*, которые предоставляют интеллектуальные и нормативные возможности для измерения технологической революции и алгоритмического общества с позиций доктринальных основ конституционализма и конституционного права: с одной стороны, *IT-конституционализм* (англ. *IT-constitutionalism*) – информационный конституционализм, конституционализм информационных технологий и *DT-конституционализм* (англ. *DT-constitutionalism*) – цифровой конституционализм, конституционализм цифровых

технологий; с другой стороны, *цифровое гражданство* (англ. *IDT-citizenship, digital citizenship*) как концепция, предназначенная для развития публично-правового пространства, в контексте повсеместного использования цифровых и информационных технологий для вовлечения и политического участия.

С позиций *IT-конституционализма* и *цифрового гражданства* вырабатываются доктринальные и нормативные требования, позволяющие создать широкую программу преодоления отчуждения в системе «техно-капитализма» (Demichelis, 2022: 1–6) и *алгоритмического общества* с высокой степенью автоматизации принятия публично значимых решений и снижения эмоционально-волевого компонента человеческого участия.

В России принята «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы», утвержденная Указом Президента РФ от 09.05.2017 № 203¹. В данном Указе однократно встречается в качестве принципа стратегии «обеспечение прав граждан на доступ к информации» (п. 3), два раза упоминаются граждане как субъекты прав на использование Интернета и информационно-коммуникационных систем (п. 8 и 50), однако не введен и не используется концепт «цифровое гражданство». Российское и глобальное информационное пространство стоит перед новыми вызовами в условиях международной напряженности и перспектив цифрового суверенитета.

Концептологические основания исследования: цифровой конституционализм и алгоритмическое управление в современном государстве

Конституционное право и конституционализм, с одной стороны, – информационное и цифровое пространство, с другой – взаимодействуют в современном

¹ Ofitsial'nyi internet-portal pravovoi informatsii. Available at: [http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102431687. art. 0001201705100002. \(10.05.2017\).](http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102431687. art. 0001201705100002. (10.05.2017).)

мире благодаря широкому проникновению ИК-технологий (IT-Tech) в повседневную жизнь обычных граждан, органов публичной власти, сферу государственных и муниципальных услуг, коммерческий сектор и Интернет. Возникает технологический вызов «социальному, экономическому, правовому и в некоторой степени идеологическому статус-кво»; технологии «воздействуют на конституционное право», а государство формулирует свой правовой ответ новым технологиям (Micklitz et al, 2022: 1–2).

Цифровое и информационное пространство содействуют постоянному обновлению форм и методов взаимодействия человека и государства, человека и общества, человека и технологий. В понимание гражданства заложен устойчивый и правовой характер отношений человека и государства, и в *алгоритмическом обществе гражданство, несомненно, затрагивает области использования цифровых и информационных технологий*. Когда технологические новации становятся частью взаимодействия человека и государства, человека и публичных институтов, это трансформирует *институт гражданства*, который приобретает новую предметную область реализации и новые сферы для обеспечения равенства и участия. Наряду с доктриной *цифрового и информационного конституционализма* в современную юриспруденцию и право информационных технологий входит концепт *«цифровое гражданство»* (Mossberger, Tolbert, McNeal, 2008: 1–2),

Отражением *влияния алгоритмизации* на сферу правопедения и правового регулирования стала доктрина и формируемая практика *«машиночитаемого права»*, в частности, Минэкономразвития России разработало Концепцию развития технологий машиночитаемого права, а правительственная комиссия по цифровому развитию её утвердила в сентябре 2021 года². Появились российские работы и автор-

ские концепции машиночитаемого права (Ponkin, 2021: 231–236), концепция «закон как код» и модель «прецизионного» регулирования (Truntsevsky, 2021: 49). В науках об обществе стали разрабатываться следующие концепты: «алгоритмическая власть» (Ferrari, Graham, 2021: 814) и «алгоритмическое регулирование», «алгоритмическое управление», или «алгоритмическое принятие решений» (Rinta-Kahila et al, 2022: 313), «алгоритмическая нация (нации)» (Calzada, 2018: 267) и даже «алгоритмическое гражданство» (Calzada, 2022). И, очевидно, *процесс внедрения алгоритмов* не только в различные подсистемы обществ, но и в *структуру научного знания*, и в *процессы осмысления социальной реальности* будет приводить к росту числа выражений с прилагательным «алгоритмический».

Постановка проблемы

В условиях развития информационного и алгоритмического общества, процессов *конвергенции и дивергенции* конституционных и правовых систем IT-конституционализм как правовая концепция содействует выработке нормативных и этических требований к регулированию ограничений и возможностей публичной власти, к участию граждан в обсуждении и решении вопросов конституционного и публично-правового значения в условиях IT-революции. В исследовании раскрывается методологическая и концептуальная взаимосвязь между техно-капитализмом и современным видением цифрового конституционализма, выявляются конституционно-правовые проблемы влияния информационного и алгоритмического общества на конституционализм и гражданство.

Обсуждение

1. Проблемы и риски алгоритмического управления для демократического государства

До начала третьей декады XXI века хорошо исследовались проблемы и теории информационного общества, его критика (Webster, 2014), сложные вопросы квали-

² Kontsepsiya razvitiya tekhnologii mashinocitaemogo prava. Minekonomrazvitiya Rossii. Available at: https://www.economy.gov.ru/material/file/792d50ea6a6f3a9c75f95494c253ab99/31_15092021.pdf (01.06.2023).

фикации постиндустриального общества (Д. Белл) (Bell, 1999), сетевого общества и коммуникационной власти (М. Кастельс) (Castells, 2000; 2013). Концептуализация алгоритмического общества и алгоритмического управления открыла новую страницу в понимании рисков и проблем правового регулирования и конституционализации нормативных требований.

Научное определение алгоритмического общества дали Марк Шуйленбург и Рик Питерс: это «набор практик и дискурсов, подразумевающих гибридные связи между государственными и частными сторонами, который поддерживается репертуаром сравнительно новых технологий, управляющих данными, которые добавляют новые слои руководства обществом посредством оригинальных методов познания и особых способов формирования новых субъектов» (Schuilenburg, Peeters, 2021: 1–11). Возникают существенные *риски использования «алгоритмического управления»* обществом и государством. Особенно важно, что в демократическом конституционном государстве управление на основе алгоритмов *нивелирует значимость человеческого и демократического участия* в процедуре принятия решений, *снижает прозрачность* таких процедур и возможность влияния на конечный результат *общественного, профессионального и научного мнения*, напрямую не связанного с информационными и цифровыми технологиями. В условиях алгоритмического общества граждане, обладающие доступом к Интернету, к цифровым и информационным технологиям, создают важный *сегмент соучастия* в обсуждении и принятии решений на государственном и муниципальном уровне, в других сферах с большой долей публичной значимости. Поэтому возникает закономерный вопрос о потребности и необходимости *правового регулирования участия граждан*, общественных объединений, других некоммерческих и коммерческих организаций в структурах алгоритмического общества через *институт цифрового гражданства*. Если представить себе *диапазон академического ландшафта*

та цифрового гражданства, то он будет выглядеть весьма разносторонним. Так, по мнению ученых, наиболее востребованными для обсуждения вопросов цифрового гражданства, являются следующие четыре сферы анализа (Jæger, 2021: 31–37): 1) роль цифровых прав и неприкосновенности частной жизни, связанных с реализацией гражданских прав и необходимых «для личной свободы, основанной на праве и справедливости» (Jæger, 2021: 30); 2) формы политического участия с использованием информационных и цифровых технологий, которые относятся к сфере политических прав и свобод и связаны с выборами, голосованиями, с представительными органами на различных уровнях организации публичной власти; 3) цифровые государственные и муниципальные услуги и деятельность органов публичной власти с использованием новых технологий, которые имеют отношение к реализации широкого спектра гражданских, политических, социальных прав и в целом относятся к публичным услугам; 4) цифровая грамотность и обучение в сфере информационных и цифровых технологий, которые тесным образом связаны с социально-культурными правами и стратегией развития образования в цифровую эпоху.

Наиболее важные риски широкого применения «алгоритмического управления» в структуре «алгоритмического государства» заключаются в следующем. Во-первых, в виде появления и возвышения «*алгократии*» (анг. «*algorocracy*») как необходимого технологического и властного ресурса, сочетающего программирование и алгоритм (Aneesh, 2009: 347). IT-специалисты (как правило, не обладающие познаниями в области гуманитарных и социальных наук) становятся приоритетным кадровым потенциалом и привилегированным трудовым ресурсом, который получает значительный объем финансовых, налоговых, кредитных и иных льгот от государства. «*Алгократия*» постепенно вытесняет «*инфократию*», что проявляется в расширении цифровизации административных отношений и сферы использова-

ния в государственном и муниципальном управлении. Автоматизированные сетевые решения, по вполне обоснованному мнению ученых, комбинируют институты «алгоритмической демократии» (термин использован А. Аниш в качестве характеристики «власти нового типа», основанного на «правиле алгоритма и правиле кода» (Aneesh, 2006: 5, 102) и «бюрократии системного уровня» (его использовали М. Бовенс и С. Зуридис (Bovens, Zouridis, 2002: 174). Возникает вопрос о необходимости признания алгоритмической власти в качестве разновидности публичной власти в государстве.

Во-вторых, сбор, обработка, хранение и использование огромного объема данных меняет представление о значении информации как предмета правового регулирования и государственного управления в системе информационного права. Программирование и алгоритмы используются для обработки массива данных в целях принятия решений. В свою очередь, алгоритмический способ принятия решений создаёт новые условия для управления и контроля, для «подталкивания» поведения граждан, других лиц в ходе реализации различных прав «в повседневной жизни». Управление на основе алгоритмов (и в частности, на основе «машиночитаемого права») создаёт новую парадигму принятия решений, которая нуждается и в правовом регулировании, и в гарантиях прозрачности, и в делиберативном цифровом участии граждан: такая парадигма характеризуется «повышенной рациональностью управления, сдвигом в порядке функционирования власти, замкнутостью процедур принятия решений» (Schuilenburg, Peeters, 2021: 1, 2). Снижается степень человеческого участия в автоматизированных системах управления, алгоритмы собирают и обрабатывают информацию, содействуют не только ее применению, но и улучшают вывод в порядке обратной связи. Увеличивается дискреционная власть бюрократических элементов с ИТ-знаниями; а ИТ-специалисты становятся новой технологической и бюрократической властью одновременно. Таким образом, термин «алгоритмическое управление»,

с одной стороны, характеризует процесс управления и принятия решений на основе алгоритмов с постоянно снижающимся человеческим участием; с другой стороны, возникает эффект дегуманизации управления, развитие процедур принятия решений посредством машинного обучения, когда происходит замена человеческих суждений и мнений алгоритмами «черного ящика». В алгоритмическом обществе использование алгоритмов и программирования в целях принятия более рационализированных решений рассматривается как необходимая часть «смартификации» государственной службы и государственного управления (Engin, Treleaven, 2019: 448), т.е. пролиферации умных технологий и в сфере публичной власти, и принятия публично значимых решений. Умные технологии, основанные на алгоритмах, могут служить и расширению сферы вовлечения граждан в процесс оценки предоставляемых государственных и муниципальных услуг, качества медицинской помощи в общественном и частном здравоохранении, для анализа потребительских рынков. Появляются «ценовые алгоритмы» или «экспертные торговые системы» (Gamito, Ebers, 2021: 1–4) на основе алгоритмического управления потребительскими предпочтениями.

В-третьих, алгоритмическое общество как общественное устройство с технологиями на основе алгоритмов (искусственный интеллект (ИИ), интеллектуальная или умная робототехника) является следствием конвергенции «техно-капитализма» и постгуманизма, которые стремятся установить «господство над будущим», обещая улучшенное экономическое и общественное благосостояние (Slaughter, 2021: 1–2): с одной стороны, провозглашается утилитарная задача освобождения человека от бремени принятия простых и в меньшей степени сложных или непопулярных решений; с другой стороны, при вытеснении человеческого фактора из алгоритмических систем управления ограничивается проекция будущего, основанная на эмоционально-волевом участии человека и гражданина, принижается ценность

и жизнеспособность социальных изменений, которые находятся в границах биосоциальных и когнитивных возможностей человека.

2. Гражданство и информационно-цифровое пространство, перспективы цифрового и информационного участия

В алгоритмическом обществе возникает потребность выработки *нормативных, этических и технологических требований* и к формам участия граждан в принятии решений, и к разграничению полномочий между органами публичной власти по вопросам конституционной коммуникации, и к институциональным основам общегражданского, профессионального и экспертного участия по конституционно значимым вопросам. Включенность современных государств в повестку четвертой промышленной революции ставит новые задачи осмысления процессов влияния информационных и цифровых технологий на публичное право в целом, на деятельность государства и его органов, на развитие «электронного правления», цифровых прав и возможностей человека и гражданина в публичной и частной сферах жизнедеятельности, на формирование новых публично-правовых институтов, охватывающих комплекс вопросов взаимодействия человека и общества, гражданина и государства, человека и технологий.

С одной стороны, участие граждан через институты делиберативной и императивной демократии стало доминирующим средством повышения демократической легитимности в различных политических и государственно-правовых аспектах. В Российской Федерации активно используются различные информационно-технологические и государственно-правовые формы вовлечения граждан, общественных объединений, иных некоммерческих организаций в процесс обсуждения и принятия публично значимых решений на федеральном, региональном и муниципальном уровнях (использование портала государственных услуг, обще-

ственные палаты, общественные советы и др.).

С другой стороны, информационно-технологическая революция может вызывать массовые разрывы в социальном, политическом и конституционном порядке, затрагивать устоявшиеся основы конституционного строя страны, создавать риски для подрыва международного правопорядка и безопасности на национальном и международном уровне. Как отмечает болгарский исследователь-конституционалист Мартин Белов, технологические революции содействуют новому правопорядку; возможно, что возникающий на наших глазах «в результате технологических революций» новый порядок «выводит человеческую цивилизацию на новый уровень» (Belov, 2021: 1–12).

Институт гражданства является одним из самых *устойчивых в системе конституционно-правовых и политических институтов*. Гражданство *цементирует основы правового статуса личности для конституционного фундамента правосубъектности личности* в территориальных границах, обеспеченных национальной юрисдикцией. В *научной юриспруденции гражданства* давно сформировалась и преобладает парадигма о триединой природе гражданства: 1) как устойчивой правовой связи человека и государства; 2) как правового состояния лица в государстве; 3) как совокупности прав и обязанностей, обеспечивающих полноценное членство в государстве и обществе (Avak'yan, 2003; Kutafin, 2004; Ovsepyan, 2010). Новые информационное и цифровое пространства включены в процесс правовой и политической коммуникации. Как эти новые сферы воздействуют на трансформацию института гражданства? Данный вопрос стимулирует исследование и подготовку ответа, который может пролить свет на текущее состояние, некоторые проблемы и перспективы формирования *нормативного каркаса*, интеллектуальных основ и активного использования различных форм *цифрового гражданства как правового образования*. Широкое развитие и использование в различных сегментах государственного, экономического, обще-

ственного строя информационных и цифровых технологий вызывает потребность в совершенствовании информационного права и права информационных технологий с учетом проблемы безопасности, цифрового суверенитета и цифрового гражданства. При этом возникает вопрос о *правосубъектности в сфере информационных и цифровых технологий* (цифровой идентичности, например, через портал государственных и муниципальных услуг).

В современной научной литературе концепт «цифровое гражданство» используется в нескольких значениях. Первоначально этот концепт возник и развивался в международных исследованиях представителями научных школ различных стран, к которым присоединяются и российские ученые (политологи, специалисты в области информационных отношений и информационного права, конституционалисты).

Первый подход был сформулирован на основе анализа права на доступ в Интернет в цифровую эпоху и расширением самой возможности участвовать первоначально в жизни общества через Интернет и цифровые технологии. Например, исследователи К. Моссбергер, К. Толберт и Р. МакНил определили цифровых граждан как тех, кто использует Интернет «эффективно» и каждый день, а само цифровое гражданство как возможность участвовать в жизни общества онлайн (Mossberger, Tolbert, McNeal, 2008: 1–2).

Второй подход рассматривает цифровое гражданство как *новое качество правосубъектности личности в условиях цифровизации* и использования информационных технологий в публичном и частном секторах правовой, политической и экономической коммуникации. Несомненно, что такой подход требует *цифровой идентификации граждан*, как это, например, осуществляется в России через портал государственных услуг, предоставляющий широкие возможности их получения в электронной форме.

Третий подход обращает внимание на постепенную трансформацию представлений о роли и значении цифрового гражданства с преимущественным фокуси-

рованием на развитии форм гражданственности и политического участия в условиях цифровой и информационной среды. Так, исследователи выражают одновременно и тревогу, и надежду, заявляя, что «концепция цифрового гражданства может отразить меняющуюся роль граждан в онлайн-условиях», а факт распространения новых цифровых технологий «драматично меняет лицо политического участия и гражданственности» (Jørring, Valentim, Porten-Cheé, 2018: 11–12). В таком цифровом участии (без должной идентификации) сохраняются риски анонимности, злоупотребления правами, а в случае наличия цифровой идентификации граждан – риски нарушения конфиденциальности, алгоритмический контроль за волеизъявлением, подтасовка результатов голосования.

Четвертый подход, отраженный в ряде отечественных исследований (политологических и информационных), рассматривает цифровое гражданство в рамках интерпретационной парадигмы развития цифровой грамотности и цифровой культуры. Так, по мнению Е. В. Бродовской, для России является актуальной проблема формирования «культуры цифрового гражданства» как системных усилий «по развитию у молодого поколения россиян надпрофессиональных компетенций»; такая культура связана со сферами безопасности, бизнеса и демократии (Brodovskaya, 2019: 65–69), стремится к вовлечению в процесс использования информационных технологий, в том числе для образовательных и культурных целей.

Таким образом, можно отметить разносторонний подход исследователей к феномену «цифровое гражданство». Пока еще недостаточно востребованным является *ресурс цифрового гражданства как гибкой и широкой платформы* для вовлечения в процесс участия различных соотечественников, граждан России, которые могут участвовать в диалоге с органами публичной власти и использовать цифровые технологии в образовательных целях и в иных формах гражданственности. В этом случае цифровое гражданство может иметь значение экстерриториального вовлечения как

в отношении соотечественников, проживающих за пределами РФ, так и в отношении граждан РФ, где бы они ни находились (как внутри, так и за пределами материковой Родины). Например, уже применяющиеся технологии дистанционного электронного голосования (ДЭГ), мобильного избирателя, электронной подачи обращений требуют цифровой идентификации личности, соединения института гражданства (для участия в выборах) и цифровых технологий.

Появление и использование *цифровых технологий в публично-правовых коммуникациях*, несомненно, заставляет задуматься о том, нуждается ли правовая система в *юридическом оформлении и государственно-правовом признании цифрового гражданства*? На этот вопрос различные исследователи отвечают по-разному. Уже многие *права в сфере информационных технологий* рассматриваются как *права цифрового гражданства*. Например, к таким правам относятся наиболее важные цифровые права и права на коммуникацию в сети Интернет. Среди них и *право на доступ к Интернету*, и *право на поиск, получение и передачу информации, в том числе через современные интернет-технологии*, и *право на использование, создание и публикацию цифровых произведений*, и *право на сохранение анонимности в случаях, разрешённых законом*, и *право на приватность*, и право на защиту чести и достоинства в сети, и *право на электронное участие* в различных сферах публично-го и частного секторов.

Заключение

Цифровые технологии, соединенные с человеческим участием, создают новую сферу – *цифровой человеческий капитал*, который оказывается влиятельным фактором для развития крупных городов, правового и политического вовлечения. Для объяснения этой трансформации появилась и стала активно использоваться новая *концепция цифрового гражданства*. Встаёт вопрос о *достаточности* правового регулирования *института гражданства как публично-правового института в услови-*

ях алгоритмического общества. Другой вопрос, нуждается ли цифровое гражданство в специальном законодательном регулировании и конституционализации? Как российские, так и зарубежные ученые *прокладывают путь через дискуссию* к пониманию *предметной сферы и форм проявления цифрового гражданства*, но пока однозначных ответов не найдено. *Правовое регулирование цифрового гражданства не может заменить установленный порядок приобретения и прекращения гражданства РФ* в соответствии с федеральным законом или международным договором РФ. В современном государстве, сочетающем демократические процедуры, информационные технологии и значительный объем государственного контроля в сфере электронного правления, институт гражданства как публично-правовой институт постепенно начинает включать в свои структуры цифровые, алгоритмические, электронные формы реализации различных прав человека (гражданских, политических, социально-экономических, культурных). Возможно, назрела настоятельная необходимость разработки *специальной федеральной программы развития цифрового гражданства в России* и включения необходимых изменений в «Стратегию развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы».

На современном этапе развития алгоритмического общества в дискуссии о цифровом гражданстве отражаются представления *о новом качестве правосубъектности личности в условиях цифровизации, о гибридном институте*, соединяющем информационные и цифровые технологии с формами участия граждан в различных сегментах государства и общества, *о цифровой платформе* с развивающимся и гибким интерфейсом, который соединяет человеческое участие, практику реализации информационных интересов в самых различных публично-правовых, экономических, социальных и культурных контекстах и механизмы правового и государственного контроля в условиях нового этапа развития цифровой и информационной среды.

Список литературы / References

- Aneesh A. *Virtual migration*. Durham, NC, Duke University Press, 2006. 208 p.
- Aneesh A. Global Labor: Algorcratic Modes of Organization. In: *Sociological Theory*, 2009, 27(4), 347–370.
- Avak'yan S. A. *Rossiya: grazhdanstvo, inostrantsy, vneshnyaya migratsiya [Russia: citizenship, foreigners, external migratio]*. SPb.: YUrid. TSentr Press, 2003. 643 p.
- Bell D. *The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting*. New York, Basic Books, 1999. 616 pp.
- Belov M. Introduction. In: *The IT Revolution and its Impact on State, Constitutionalism and Public Law*. Ed. Martin Belov. Oxford, Hart Publishing, 2021, 1–12.
- Bovens M., Zouridis S. From Street-Level to System-Level Bureaucracies: How Information and Communication Technology is Transforming Administrative Discretion and Constitutional Control. In: *Public Administration Review*, 2002, 62(2), 174–184.
- Brodovskaya E. V. TSifrovye grazhdane, tsifrovoe grazhdanstvo i tsifrovaya grazhdanstvennost' [Digital citizens and digital citizenship]. In: *Vlast' [Power]*, 2019, 4, 65–69.
- Calzada I. 'Algorithmic nations': seeing like a city-regional and techno-political conceptual assemblage. In: *Regional Studies, Regional Science*, 2018, 5(1), 267–289.
- Calzada I. Emerging digital citizenship regimes: Pandemic, algorithmic, liquid, metropolitan, and stateless citizenships. In: *Citizenship Studies*, 2022. DOI: 10.1080/13621025.2021.2012312.
- Castells M. *The Rise of the Network Society*, 2nd edition. Oxford, Blackwell, 2000. 656 p.
- Castells M. *Communication Power*. Oxford, Oxford University Press, 2013. 624 p.
- Danaher J. The Threat of Algocracy: Reality, Resistance and Accommodation. In: *Philosophy & Technology*, 2016, 29, 245–268.
- De Gregorio G., Radu R. Digital constitutionalism in the new era of Internet governance. In: *International Journal of Law and Information Technology*, 2022, 30(1), 68–87.
- Demichelis L. *Marx, Alienation and Techno-Capitalism*. Cham, Switzerland, Palgrave Macmillan, 2022. 437 p.
- Engin Z., Treleaven P. Algorithmic Government: Automating Public Services and Supporting Civil Servants in using Data Science Technologies. In: *The Computer Journal*, 2019, 62(3), 448–460.
- Ferrari F., Graham M. Fissures in algorithmic power: platforms, code, and contestation. In: *Cultural Studies*, 2021, 35(4–5), 814–832.
- Gamito M. C., Ebers M. Algorithmic Governance and Governance of Algorithms: An Introduction. In: *Algorithmic Governance and Governance of Algorithms. Legal and Ethical Challenges*, M. Ebers, M. Cantero Gamito (eds.). Cham, Switzerland, Springer, 2021, 1–4.
- Jæger B. Digital Citizenship – A review of the academic literature. In: *dms – der moderne staat – Zeitschrift für Public Policy, Recht und Management*, 14(1), 24–42.
- Jørring L., Valentim A., Porten-Cheé P. (2018). Mapping a Changing Field: A Literature Review on Digital Citizenship. In: *Digital Culture & Society*, 2021, 4(2), 11–12.
- Kravets I. A. TSifrovoy konstitutsionalizm: metodologicheskie i pravovye aspekty [Digital constitutionalism: methodological and legal aspects]. In: *Gosudarstvo i pravo [State and Law]*, 2022, 1, 19–33.
- Kutafin O. E. *Rossiiskoe grazhdanstvo [Russian citizenship]*. Moscow, YUrist, 2004. 589 p.
- Micklitz H. W., Pollicino O., Reichman A., Simoncini A., Sartor G., De Gregorio G. (eds). *Constitutional challenges in the algorithmic society*. Cambridge, UK; New York, NY, Cambridge University Press, 2022. 330 p.
- Mossberger K., Tolbert C. J., McNeal R. S. *Digital Citizenship: The Internet, Society, and Participation*. Cambridge, MA, The MIT Press, 2008. 240 p.
- Ovsepyan ZH. I. *Grazhdanstvo v Rossii (obshcheteoreticheskoe, istoricheskoe i konstitutsionno-pravovoe issledovanie) [Citizenship in Russia (general theoretical, historical and constitutional and legal research)]*: monograph, 2nd ed. Rostov-on-Don, Izdatel'stvo YUFU, 2010. 320 p.

Ponkin I. V. Kontsept mashinochitaemogo prava [The concept of machine-readable law]. In: *YUridicheskaya tekhnika [Legal technique]*, 2021, 15, 231–236.

Rinta-Kahila T., Someh I., Gillespie N., Indulska M., Gregor S. Algorithmic decision-making and system destructiveness: A case of automatic debt recovery. In: *European Journal of Information Systems*, 2022. 31(3), 313–338.

Schuilenburg M., Peeters R. (eds) *The Algorithmic Society. Technology, Power, and Knowledge*. Abingdon, Oxon; New York, NY, Routledge, 2021. 214 p.

Slaughter, R. A. *Deleting Dystopia: Re-Asserting Human Priorities in the Age of Surveillance Capitalism*. University of Southern Queensland, 2021. 114 p.

Truntsevskii YU. V. Zakon kak kod i pretsizionnoe pravo v rakurse datifikatsii [Law as a code and precision law from the point of view of datification]. In: *ZHurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya [Journal of Foreign Legislation and Comparative Law]*, 2021, 17(1), 49–67.

Webster F. *Theories of the Information Society*. 4th ed. Abingdon; New York, Routledge, 2014. 416 p.